

УДК 930.85

**ДОСТОЙНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ
В РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ**

Кропанева Е.М., Москаленко М.Р.

Представления о достойном человеческом существовании являются важным социальным идеалом и духовным ориентиром современности. Начиная с эпохи Нового времени, можно наблюдать стремление Запада монополизировать представления о достойном человеческом существовании и связать его, прежде всего, с собственной культурно-правовой традицией. В работе отмечается, что в российской историко-философской мысли были разработаны собственные концепции достойного человеческого существования, которые могли составить оригинальную концепцию правового государства в России.

Ключевые слова: достойное человеческое существование, права человека, историческая идентичность, культурная идентичность.

**A DECENT HUMAN EXISTENCE
IN THE RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY
HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL THOUGHT**

Kropaneva E.M., Moskalenko M.R.

Conceptions of a decent human existence are an important social ideal and mental reference point of modernity. Since the era of the New Times one can see the desire of the West to monopolize the idea of a decent human existence and associate it primarily with its own cultural and legal tradition. The paper notes that the Russian historical and philosophical thought has developed its own concept of decent human existence which could make the original concept of the rule of law in Russia.

Keywords: decent human existence, human rights, historical identity, cultural identity.

Достойное человеческое существование является одним из значимых социальных идеалов современного общества. Каждое общество в различные исторические эпохи дает свои представления о достоинстве человека и достойном существовании, которые задают его основные векторы развития, оказывают фундаментальное, часто определяющее влияние на духовно-нравственную и социально-психологическую атмосферу, во многом определяя поступки людей и их политические решения. В историко-правовых исследованиях данная проблема является малоизученной [5; 16], хотя и актуальной, особенно в рамках такого направления, как «интеллектуальная история». Данное направление ставит своей задачей «постижение того, как сохраняются интеллектуальные традиции и как возникают и распространяются новые интеллектуальные формы; освещение психологической природы процессов, воздействующих на изменения в популярности и влиятельности тех или иных идей...» [11, с. 239].

В современном обществе концепция достойного человеческого существования оформилась как право, вернее, как совокупность прав (политических, социально-экономических, культурных), реализация которых и задает стандарты «достойной» жизни. Эти идеалы находятся в тесной связи с представлениями о правах человека и правовом государстве, которые в большинстве современных стран являются основополагающими ориентирами развития. Данные концепции обычно преподносятся как прерогатива западной правовой мысли и традиции, да и сами идеологи стран Запада выставляют свою трактовку прав человека как эталонную для других государств. В этой европоцентристской модели налицо стремление Запада монополизировать представления о правах человека в целом и праве на достойное человеческое существование в частности, и взгляд на иные, незападные представления о них как маргинальные, архаичные, не соответствующие «цивилизованным нормам», а также задачам модернизации. Естественно, что подобный подход таит серьезную угрозу для национальной и культурной идентичности незападных сообществ, вызывает отторжение и актуализирует артикуляцию

автохтонных, культурных национальных ценностей и стандартов поведения, близких по смысловому содержанию и способных стать ресурсом модернизации (прежде всего, в политической и духовной сферах).

Для более полного понимания данного процесса следует учитывать, что концепция прав человека, зародившись как универсальный правовой идеал, во второй половине XX века в основном играла роль инструмента в идеологическом давлении на общества «Восточного блока». Соблюдение прав человека и достойное существование в этом плане преподносились, прежде всего, как атрибуты повседневности «свободного мира», несвойственные социализму.

Идея права на достойное человеческое существование включает в себя три смысловых аспекта: права человека, достойное человеческое существование, субъективное чувство собственного достоинства индивида. Права человека – это естественные возможности индивида, обеспечивающие его жизнь, человеческое достоинство и свободу деятельности во всех сферах общественной жизни. В современном понимании право на достойное человеческое существование составляет не только социально-экономическую доктрину «свободы от нужды», но дополняет её правами на уважение личного достоинства человека, справедливый суд, образование, жизнь в чистой окружающей среде, защитой прав потребителей и так далее. То есть, минимум «материальных и духовных благ, который общество может реально обеспечить каждому его члену уже по одному факту его рождения» [6]. Что касается чувства собственного достоинства, то под ним можно понимать самоуважение, а также «самоощущение (и связанное с этим поведение) человека, высоко оценивающего свои социальные права и свою социальную ценность» [17]. В толковых словарях специально выделяется нравственное значение термина «достоинство», под которым понимается «совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе» [10, с. 152].

Сложно определить точную дату появления законодательных актов, в которых так или иначе закреплены понятия достоинства и достойного

существования, поскольку в первых государствах они органически включались в систему принятых в обществе морально-этических норм. Изучая источники древних цивилизаций, можно отметить слова древнеегипетского фараона (около 2000 г. до н.э.), давшего указание своим подчиненным: «Когда с Верхнего или Нижнего Нила приезжает проситель, сделайте так, чтобы все происходило в соответствии с законом, чтобы был соблюден обычай, и уважались права человека» [13]. Разумеется, здесь можно предположить «подгонку» перевода под современную терминологию, но это один из первых исторических примеров документального закрепления гражданских прав.

С эпохи возникновения первых государств и до конца эпохи Нового времени идея права на достойное человеческое существование прошла четыре этапа развития:

I – зарождение и ее первые проявления (со второй половины V в. до н. э. – XVII в.) преимущественно в текстах античных этиков, реже – юристов, затем – средневековых богословов;

II – формирование учения о правах человека (с Нового времени), латентно и частично учитывающего важность достойного человеческого существования;

III – юридическое закрепление прав человека (со второй половины XVIII в.) в ряде государств, учитывающее некоторые аспекты достойного человеческого существования;

IV – активное обсуждение проблемы социально-экономических прав как непосредственного контекста идеи права на достойное человеческое существование (конец XIX – начало XX вв.).

В Западной Европе и Северной Америке в Новое время появляется первоначальное понятие об универсальных – неотчуждаемых и неотъемлемых – правах каждого человека, принадлежавшего ему от рождения до смерти. Во-первых, стало признаваться, что права существуют независимо от государства; это давало возможность противостояния политической власти в их защите (что и должны были делать институты гражданского общества). Во-вторых,

основными правами обладают все граждане в равной степени. В этом также было отличие от средневековых взглядов, согласно которым права человека сильно различались от принадлежности к тому или иному сословию. В-третьих, в XIX в. большинство прав концентрировалось вокруг идеи свободы; права были преимущественно не связаны с обязательствами – за исключением общей обязанности обладателя прав не нарушать прав (свободы) других. Идея прав человека рассматривалась как антитеза привилегиям феодального общества и произволу абсолютистских монархий.

Концепция всеобщих прав человека стала логическим следствием из теории «естественного права»: если права заложены в самой природе, значит, они одинаковы для граждан всех государств вне зависимости от их истории [14]. В классическом либерализме XIX в. главными положениями становятся тезисы о личной свободе, автономии индивида и частной собственности, которые квалифицируются как ценности, способные обеспечить благосостояние, прогресс общества и достойное существование.

В российской традиции сложилась иная, во многом отличающаяся от классического либерализма, трактовка прав человека и права на достойное человеческое существование. Первым из отечественных правоведов термин «право на существование» употребил А.П. Куницын в своей монографии «Право естественное» (1818-1820). Под «правом на существование» он полагал «право на жизнь», но значимым является его комментарий: «Жизнь человека сама по себе не составляет последней и безусловной цели, но заимствует свое достоинство оттого, что она есть источник всякого нравственного совершенства» [8, с. 233]. Государственно-правовые идеи А.П. Куницына отражали поиск модели либерального реформирования российского абсолютизма, находящегося в XIX в. в стадии кризиса. Как отмечает, например, американский исследователь П. Тарановский, российская автократия была не только историческим анахронизмом в европейской государственности, она становилась все более неэффективной и неспособной осуществить какую-либо последовательную программу [15, с. 35]. Одна из моделей либерального

реформирования страны при Александре I была опробована в Конституции Польши («Конституционной Хартии Царства Польского») 1815 г., входившей тогда в состав Российской империи. В ней утверждались основные либеральные свободы: печати, передвижения, отмечалось, что никто не может быть взят под стражу иначе, как с соблюдением форм и в случаях, предусмотренных законом (ст. 19). В ст. 17 говорилось о равенстве перед законом («Закон покровительствует в равной мере всем гражданам без различия их сословия и звания»). Это обстоятельство было очень важным и означало кардинальное изменение по сравнению с предшествующей российской исторической и правовой традицией. Если в «Манифесте о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» Петра III и «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» Екатерины II устанавливались правовые гарантии достойного существования только для одного, привилегированного сословия, то в Конституции Польши они давались всем гражданам. Данный документ, подготовленный П.П. Новосильцевым, должен была лечь в основу Конституции для всей Российской империи, но позже Александр I и Николай I отказались от этой идеи, а Конституция Польши действовала вплоть до восстания 1830 г.

Идеологические течения эпохи Николая I – почвенничество («официальная народность», славянофильство) и западничество, давали, соответственно, каждое свою модель развития государства, его правовой системы, и, соответственно, представления о достойном существовании граждан. Радикальное западничество базировалось на отторжении национальной культурной традиции, отрицании исторической успешности страны (особенно ярко это видно в «Философических письмах» П.Я. Чаадаева), что не могло сделать его интегрирующей национальной идеей, а заимствование и внедрение западных правовых институтов и норм могло способствовать нарастанию социальных противоречий в архаичном обществе.

Отмена крепостного права в 1861 г. означала формальное равенство всех граждан перед законом, и, соответственно, внесла серьезные изменения в понимание концепции достойного человеческого существования, которая стала формироваться под влиянием нескольких идеологических направлений эпохи:

– почвенничества (прежде всего, утопической славянофильской идеи солидарного государства, где достойное существование базируется на безусловном доверии граждан правительству и патерналистской заботой власти о них);

– теории «естественных прав» человека (которая была основана, преимущественно, на привнесенных из англо-саксонской правовой традиции постулатах);

– концепции социально ориентированного либерализма (который представлял синтез западных либеральных идей и национальной философско-правовой мысли).

Весь комплекс вопросов, связанный с обеспечением достойного человеческого существования – права и свободы гражданина в государстве, взаимоотношения человека и властных институтов, нравственной основы правосознания, – был разработан отечественными учеными с позиции духовного развития личности в государстве. Идею свободы личности русские теоретики (П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Л.Н. Петражицкий и др.) вписывали в контекст общественных отношений, подчеркивая необходимость социально ориентированного государства как важнейшего условия интеграции власти и общества, а также постепенных реформ в направлении конституционализма.

В консервативной мысли понимание данного принципа было тесно связано с почвеннической традицией этатизма и патернализма как основ государственной социальной политикой (и в этом состояло ее кардинальное отличие от классического либерализма). Ключевым отличием от западной либеральной мысли было то, что общество не противопоставлялось государству и власти, а, в духе славянофилов, смысл русского исторического

процесса виделся в создании всеобщего государства, построенного на основе всеобщей солидарности. В этой утопической концепции народ полностью доверяет монархической власти, долг которой, в свою очередь, заботиться о его благе: «царь не самовластец, а только высший милостивый судья, поборник правды, защитник сирых и беспомощных; обязанность царя: «рассуждать людей в правду» и «беспомощным помогать» [3, л. 95]. В таком обществе у людей воспитывалось внутреннее чувство собственного достоинства (прежде всего, на основе традиционных христианских мировоззренческих ценностей), которое бы направляло человека на созидательное, конструктивное сотрудничество с государством, способствовало осознанию взаимной ответственности власти и общества. В основе представления о достоинстве лежала преимущественно не концепция «естественных прав» человека, а этические принципы христианской морали, возведенные в ранг государственной политики. Так, например, в изданной в 1905 г. монографии П.Н. Семенова «Самодержавие как государственный строй» говорилось, что «Самодержавие должно являть такой государственный строй, который обеспечивает гражданам такой правовой порядок, который основан не только на законе, но еще и на христианских началах и законах нравственности, правды и справедливости» [2, л. 165]. Естественно, что все эти идеологические построения несли элементы социальной утопии, и, самое главное, не давали четкой концепции национальной модели развития индустриального общества, между тем как отставание от Европы в промышленном развитии после Крымской войны чувствовалось все острее.

В зарождавшейся российской либеральной мысли концепция достойного человеческого существования была тесно связана с идеями «нового либерализма», многие из которых, получив теоретическое осмысление во второй половине XIX в., стали широко реализовываться в странах Запада намного позднее – начиная с 1930-х гг., после «Великой депрессии». Во-первых, это разработка доктрины взаимных прав и обязанностей человека и государства. Если классический либерализм настаивал на невмешательстве

государства в дела гражданского общества, то в дореволюционной русской либеральной мысли утвердилось концептуальное положение о взаимных обязательствах индивидуумов, классов и государства по отношению друг к другу [4, с. 3]. Во-вторых, понятие равенства перед законом уступило место равенству исходных шансов, т.е. правовое равенство должно быть дополнено равенством социальным. В-третьих, «новый» либерализм делал акцент на создании возможностей для индивидуального, творческого развития гражданина в обществе. В-четвертых, получал признание тезис о необходимости расширения функций и ответственности государства, прежде всего, проведение реформ в социальной сфере, регулировании отношений между трудом и капиталом, сглаживании противоречий между богатыми и бедными и т.д.

Сама концепция «права каждой личности на достойное существование» была артикулирована, прежде всего, В.С. Соловьёвым в его в своем фундаментальном труде «Оправдание добра. Нравственная философия», вышедшем в свет в 1897 г. В данной работе мыслитель утверждает, что «общество имеет обязанность признавать и обеспечивать право каждого на самостоятельное пользование – для себя и для своих – достойным человеческим существованием» [12, с. 420]. Только государство, по В.С. Соловьёву, обеспечивает право на свободу при условии достигнутого нравственного сознания человека. Это означает, что настоящую свободу человек должен еще заслужить внутренним ростом, приближаясь к нравственному Абсолюту. Государство в таком случае выполняет вспомогательную роль, обеспечивая, прежде всего, условия для достойного человеческого существования, обеспечивая каждому человеку минимальный уровень материального благосостояния. Важнейшим условием достойного человеческого существования, по В.С. Соловьёву, должно стать господство нравственности в церковной, государственной и экономической областях человеческих отношений.

Представляется маловероятным, чтобы данная религиозно-философская, апеллирующая к нравственному совершенствованию личности мировоззренческая концепция могла стать реальной основой реформирования общества. Тем не менее, продолжая развивать идеи В.С. Соловьева, русские правоведы (Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, И.А. Покровский, С.И. Гессен и др.) создали оригинальную концепцию достойного человеческого существования, связанную с идеями социально ориентированных реформ и духовного самосовершенствования человека, которая вполне могла стать основой отечественной модели правового государства.

Б.А. Кистяковский в своей концепции народного социалистического государства отмечал, что обобществление средств производства даст возможность государству представить каждой личности право на труд, на развитие своих способностей, на участие во всех материальных и духовных благах. По сути, все эти права объединяются в одном общем субъективном публичном праве – праве на достойное человеческое существование: «В силу самой природы правовой организации в нормальном социальном строе каждому человеку должно быть гарантировано право на достойное человеческое существование» [7, с. 344].

Другой теоретик «социального» либерализма, П.И. Новгородцев, считал необходимым «обеспечить для каждого возможность человеческого существования и освободить от гнёта таких условий жизни, которые убивают человека физически и нравственно» [9, с. 6]. Подобная задача относится, прежде всего, к экономически слабым лицам. Экономическая зависимость от недостатка средств, от неблагоприятно сложившихся обстоятельств и др. Решение данной проблемы должно было взять на себя государство путем реализации соответствующего комплекса прав: «...во имя охраны свободы право должно взять на себя заботу о материальных условиях ее осуществления; во имя достоинства личности, оно должно взять на себя заботу об ограждении права на достойное человеческое существование» [9, с. 5]. П.И. Новгородцев призывал к введению понятия права на достойное человеческое существование

в декларацию прав человека и гражданина, к дальнейшей юридической разработке и практическому внедрению основ этого понятия.

Можно согласиться с точкой зрения В.В. Шелохаева, что «русские либералы-интеллектуалы создали открытую теоретическую модель для будущего открытого гражданского общества и правового государства, позволяющую личности реализовать свои потенциальные возможности» [18, с. 32]. Другое дело, что осмыслить и принять данную концепцию могли, по большому счету, представители интеллектуальной элиты и образованной части общества. Для большинства населения империи, не имевшего элементарной грамотности и живших, по сути, в замкнутом мире средневековой общины (даже в рабочих коллективах были сильны общинные крестьянские представления и менталитет), данная концепция оставалась малопонятной.

Общеизвестно, что к началу XX в. грамотность населения России была очень низкой, около 30 % (по сравнению с 90 % в развитых европейских странах), фактически – еще меньше, особенно в крестьянской среде. Понятия о чести и достоинстве у большинства жителей страны связывались, прежде всего, с морально-нравственными представлениями, но отнюдь не с осознанием своих прав; правосознание подменялось этическими воззрениями. Традиционной, архаической ментальности было свойственно представление, что обычай и общественная мораль гораздо эффективнее защищают элементарные права человека, чем писаное законодательство. Можно привести, например, точку зрения Л.Н. Толстого, который, называя юридическую науку «болтовней» о праве, требовал заменить право нравственными проповедями [19]. Для традиционной российской ментальности было свойственно противопоставление справедливости («Правды») и закона, который исходит от властных структур и поэтому враждебен простому человеку.

Кроме того, в отличие от протестантизма, в морально-этических представлениях основной массы населения России было достаточно негативное отношение к богатству, ценностям утилитаризма, успешной коммерческой деятельности (которые в протестантской этике и либерализме были

ориентирами достойного существования). Как справедливо отмечает, например, А.С. Ахиезер, «Для поднимающейся волны синкретической реакции врагом был свой же сосед крестьянин, который лучше других приспособивался к новым формам жизни, ослаблял свои узы с древней общиной...» [1, с. 296-297]. Имущественное расслоение в деревне нарушало древние, архаичные идеалы социальной справедливости, свойственные ментальности традиционного общества.

В целом следует отметить, что концепция права на достойное человеческое существование появилась в процессе поиска общепризнанного социального идеала развития общества в условиях модернизации России на рубеже XIX-XX вв., и возникла как оригинальная отечественная теория правового государства, в определенной степени отличающаяся от его концепций, сложившихся в Западной Европе и Северной Америке. Особенности данной модели в российском обществе стали:

1. Синтез либерализма, патернализма и этатизма, православных и архаичных морально-этических представлений.

2. Признание культурно-исторической самобытности страны, противопоставление идеалов коллективизма и «всеединства» концепции индивидуализма, а также неприятие антитезы сильной личности и «массы», свойственное западной интеллектуальной традиции того времени.

3. Социально ориентированный либерализм.

В России развитие прав человека поколения (обеспечивающих политические свободы) стало реализовываться одновременно с появлением концепции прав второго поколения (улучшение социально-экономического положения и уровня жизни широких масс населения), тогда как на Западе дистанция между ними составила почти столетие. Концепция права на достойное человеческое существование, несмотря на её определённый утопизм и введение в интеллектуальный обиход лишь для относительно небольшого круга образованной части общества, вполне могла при благоприятных исторических условиях содействовать социальной интеграции и послужить

духовной основой для выработки общепризнанной доктрины развития, для теоретического обоснования отечественного варианта правового государства. Её интеграционный потенциал как социального идеала, общепризнанной цели развития общества, конструктивной основы взаимодействия различных социальных и этно-конфессиональных групп может быть востребован в современной России.

Список литературы:

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика России: в 2 т. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. 800 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 543. Коллекция рукописей Царскосельского дворца. 1863-1916. Оп. 1. Д. 10.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1463. Коллекция отдельных документов личного происхождения. Оп. 3. Д. 377.
4. Дергунова Н.В. Доктрина западноевропейского классического либерализма: история формирования и развития (проблемно-политологический анализ): автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2001. 48 с.
5. Дробышевский С.А., Протопопова Т.В. Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве: монография. Красноярск: ИПК СФУ, 2009. 160 с.
6. Ершов Ю.Г. Право // Современный философский словарь. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: Изд-во «ПАНПРИНТ», 1998. С. 681-689.
7. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. Гуманитар. ин-та, 1998. 800 с.
8. Куницын А.П. Право естественное // Русские просветители (от Радищева до декабристов): в 2-х т. М.: Мысль, 1966. Т. 2. 440 с.
9. Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование // Социально-философские этюды П.И. Новгородцева и И.А. Покровского. СПб., М.: Издание товарищества М.О. Вольф, 1911. 48 с.

10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. 736 с.

11. Репина Л.П., Бобкова М.С. Историческое знание и интеллектуальная культура // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 239-240.

12. Соловьёв Вл. С. Оправдание добра. Нравственная философия. М.: Мысль, 1990. 892 с.

13. Стирк П.М., Вейгал Д. Введение в политические идеи [Электронный ресурс] // Dok.opredelim.com [сайт]. 2015. URL: <http://goo.gl/9HvP5N> (дата обращения: 05.12.2015).

14. Стирк П.М., Вейгал Д. Происхождение и природа прав [Электронный ресурс] // Институт прав человека [сайт]. 2015. URL: <http://goo.gl/0dYDpl> (дата обращения: 05.12.2015).

15. Тарановский Т. Идеологические и структурные препятствия на пути к реформе у русской автократии конца XIX в. // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М.: Наука, 1994. С. 35-43.

16. Фрольцова Т.Г. Формирование и нормативное закрепление права на достойное человеческое существование // Аграрное и земельное право. 2014. № 9 (117). С. 132-135.

17. Козлов Н.И. Чувство собственного достоинства [Электронный ресурс] // Энциклопедия практической психологии [сайт]. 2015. URL: <http://goo.gl/XQBAbo> (дата обращения: 12.07.2015).

18. Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М: РОССПЭН., 1999. С. 491–502.

19. Ячевский В.В. Общественно-политические и правовые взгляды Л.Н. Толстого. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1983. 167 с.

Сведения об авторах:

Кропанева Елена Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и педагогики Уральского государственного медицинского университета (Екатеринбург, Россия).

Москаленко Максим Русланович – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург, Россия).

Data about the authors:

Kropaneva Elena Mikhailovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Psychology and Pedagogy Department, Ural State Medical University (Ekaterinburg, Russia).

Moskalenko Maxim Ruslanovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Documentation, History and Legal Support Department, Russian State Vocational Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

E-mail: kropaneva-elena@yandex.ru.

E-mail: max.rus.76@mail.ru.